

Александр Зельгейм

Брак не гарантируется

A man and a woman are shown from the waist up, holding hands and looking down. The woman is on the left, wearing a white short-sleeved dress. The man is on the right, wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt. They are both looking down at their clasped hands. The background is a blurred crowd of people, suggesting a public event or wedding. The lighting is warm, possibly from a sunset or sunrise.

18+

Александр Зельгейм

Брак не гарантируется

<https://litres.ru/74664414>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера — свадебный организатор, которая не верит в «навсегда». Марк — адвокат по разводам, который боится близости. Их сталкивает скандал на «свадьбе века»: бывшая жениха подменяет торт, и вместо «Навсегда» на нём появляется надпись «Брак не гарантируется».

Так начинается история о двух уставших людях, которые решают делать не свадьбы, а разговоры. Церемонии для пар на грани — без камер, без позёрства, с открытыми дверями. Здесь плачут, молчат, прощают и уходят по-человечески. Здесь просроченные конфеты, холодный кофе, пирог с капустой и дождь, который в Петербурге никогда не заканчивается.

Это роман о том, что любовь — не гарантия. Это выбор. Каждый день. Пока получается.

Для тех, кто любит честные истории с горчинкой, тонким чёрным юмором и теплом.

Александр Зельгейм

Брак не гарантируется

От автора

Эта книга не про свадьбы. И не про разводы. Хотя начинается со свадьбы, а заканчивается разводом — почти.

Она про людей, которые не умеют говорить. Про тех, кто сидит на кухне в семь утра, пьёт холодный кофе и смотрит в стену. Про тех, кто стоит за дверью и не решается войти. Про тех, кто говорит «я не знаю» вместо «я тебя люблю», потому что «не знаю» — честнее.

Здесь не будет идеальных героев. Будут уставшие. Будут те, кто ошибается, боится, молчит не вовремя. Будут просроченные конфеты, пустая коробка из-под торта, носки под кроватью и кот, который не гарантируется. Будет дождь. В Петербурге всегда дождь.

Я не обещаю вам «навсегда». Я обещаю разговор. Может, он будет неудобным. Может, вы узнаете в ком-то себя. Может, захотите кому-то позвонить. Или, наоборот, не звонить — но уже осознанно.

Эта история про выбор. Не один раз. Каждый день. Если вы дочитаете до конца — значит, нам по пути. Благодарю за то, что открыли...

Пролог. «Навсегда»

За месяц до того, как торт сказал «брак не гарантирует-

ся», я стояла в подсобке особняка на Фонтанке и смотрела на торт, который говорил «навсегда».

Он был красивый. Три яруса. Белая глазурь. Живые цветы. Надпись аккуратными кремовыми буквами — «Навсегда». Кондитер, который его делал, сказал: «Это лучший торт, который я делал за год». Я не спорила. В моей профессии нельзя спорить с кондитерами. Они знают о тортах больше, чем я. Они знают, что «навсегда» — это не про торт. Это про людей. Но люди этого не знают. Поэтому заказывают.

В подсобке пахло пылью, картоном и чужими надеждами. Здесь стояли коробки с цветами, запасные скатерти, ящик с посудой и — я не шутила — старая клетка для попугая. В этом городе даже подсобки помнили больше, чем некоторые люди.

Я проверила тайминг. Слёзы невесты — через двадцать минут. Тост отца — через сорок. Торт — через час. Всё по расписанию. В моей профессии всё должно быть по расписанию: слёзы, смех, торт, фейерверк. Даже чувства.

Я вышла в зал. Триста человек. Белые скатерти. Хрусталь, который помнил ещё прошлый век. Струнный квартет, который играл что-то из Вивальди так старательно, будто от этого зависела их виза. Невеста в белом. Жених в костюме, который был ему велик. Мать невесты плакала в платок. Отец жениха смотрел на часы.

Я улыбнулась. Так, как улыбаюсь всегда. Не потому, что счастлива. Потому что это моя работа.

«Навсегда», — подумала я. Красивое слово. Удобное. Его можно написать на торте. Можно сказать в тосте. Можно пообещать в церкви. А потом — забыть. Или не забыть. Это уже не про торт.

Я достала телефон. Проверила расписание. Разводные мосты — в два часа ночи. Значит, гости успеют. Если, конечно, не задержатся. А они задержатся. Всегда задерживаются.

— Вера Андреевна! — Лена выскочила из-за кулис. Молодая. Двадцать три. Блокнот в руке. Причёска, которая не держится. — Там невеста плачет!

— Счастливые?

— Не знаю. Кажется, нет.

Я вздохнула. В моей профессии «кажется, нет» — это плохой знак. Но я всё равно пошла. Потому что это моя работа. Успокаивать. Спасать. Делать так, чтобы «навсегда» продержалось хотя бы до торта.

По дороге я думала о том, что «навсегда» — это красивое слово. Но не гарантия. И, может быть, однажды кто-то скажет это вслух. Не на торте. В зале. Где свечи. Где дождь. Где люди, которые боятся.

Но это будет потом. Через месяц. А пока — невеста плакала. А торт ждал. А «навсегда» стояло на столе и улыбалось кремовыми буквами.

Глава 1. «Торт с предупреждением»

Сцена 1. «Идеальный день»

Дождь в Петербурге — это не погода. Это диагноз. Он мо-

просит с той самой настойчивостью, с какой свекровь напоминает, что «в наше время женились раз и навсегда». Я стояла у окна особняка на Английской набережной и смотрела, как капли собираются в тонкие струйки, ползут по стеклу и разбиваются о подоконник. За окном разводной мост был ещё сведён, но к ночи его обязательно разведут — я сверилась с расписанием трижды. В моей профессии всё должно быть по расписанию: слёзы, смех, торт, фейерверк. Даже чувства.

— Вера Андреевна, невеста просит вас. Кажется, у неё слёзы.

— Пусть плачет, — сказала я, не оборачиваясь. — Это счастливые. У неё по таймингу через двадцать минут.

Помощница Лена — двадцать три года, вечно с блокнотом и вечно с причёской, которая не держится, — топталась в дверях. Я знала, что она скажет дальше. Она всегда говорит это.

— Может, всё-таки посмотреть?

— Лена. — Я повернулась. — Если я пойду к ней сейчас, она решит, что я волнуюсь. Если я волнуюсь, волнуется вся команда. Если волнуется команда, торт приезжает с опозданием, а невеста плачет уже не по таймингу. Понятно?

— Понятно, — сказала Лена и ушла, оставив на столе чашку кофе. Кофе был холодный. Лена ещё не знала, что я пью только холодный — так меньше шансов обжечься, когда всё горит.

Особняк был красивый. Из тех, где лепнина помнит ещё

Пушкина, а паркет скрипит так, будто жалуется на жизнь. Я арендовала его для «свадьбы века» — так её называли в пресс-релизе. На самом деле это была свадьба дочери владельца сети строительных гипермаркетов и сына владельца сети строительных гипермаркетов. Их отцы дружили, конкурировали и объединяли капиталы так давно, что уже не помнили, кто кому что должен. Дети должны были закрепить союз. Я должна была сделать это красиво.

Смета тянула на три моих годовых. Торт заказали у кондитера, который работал только с «избранными» — то есть с теми, кто платил вперёд. Надпись на торте обсуждали три недели. Невеста хотела «Навсегда». Жених хотел «С любовью». Мать невесты хотела «Счастья». Отец жениха сказал: «Пусть будет просто вкусно». В итоге сошлись на «Навсегда», потому что за него проголосовали все, кроме отца жениха, а он уже оплатил счёт.

Я проверила список: цветы — на месте, струнный квартет — на месте, фотограф — на месте, но уже пьян (но это его обычное состояние). Невеста — в слезах по расписанию. Жених — в комнате для жениха, с бутылкой виски, которую я у него отобрала и заменила на чай. Родня — в зале, уже начала делить места за столом так, будто от этого зависит наследство. В общем, всё шло по плану.

Мой телефон завибрировал. Курьер.

— Вера Андреевна? Торт у входа. Но ваша сотрудница сказала, что сама занесёт.

Я нахмурилась.

— Какая сотрудница?

— Ну, блондинка, высокая. Сказала, что от вас. Я отдал коробку.

В голове щёлкнуло, но не громко — как выключатель, который вот-вот сломается. Блондинка. Высокая. У меня работали две блондинки, но обе были в зале, обе без телефона, обе не могли выйти. Я хотела сказать «стойте», но курьер уже попрощался.

— Вера Андреевна! — Лена снова в дверях. — Там цветы не те! Белые, а должны быть кремовые!

Я выдохнула. Блондинка. Высокая. Может, гостья? Может, помощница невесты? Может, кто-то из родни решил «помочь»? В моей профессии «помочь» — это худшее слово. Оно означает «испортить, но с благими намерениями».

— Разбирайся с цветами, — сказала я. — Я проверю торт.

Торт я не проверила. Я успела только дойти до подсобки, где стояли коробки, увидела, что коробка на месте, крышка закрыта, и в этот момент за спиной раздался крик: «Невеста упала в обморок!» Я развернулась и побежала. В подсобке остался торт. И кто-то, кто занёс его туда.

«Какая сотрудница?» — подумала я.

Оказалось, у меня была ещё одна. Не в списке.

Сцена 2. «Торт с предупреждением»

Невеста лежала на диване в комнате для невесты, вокруг неё суетились три тётки с валерьянкой и одна двоюродная

бабушка с советом «подышать». Я вошла, оценила обстановку и сделала то, что делаю всегда: взяла стакан воды, присела рядом и сказала негромко:

— Лена, выключи свет. Тётки, выйдите. Бабушка, остань-
тесь.

Бабушка осталась. Она мне нравилась — в ней было что-то от старой гвардии, которая видела всё и уже ничему не удивлялась. Невеста — её звали Кристина — открыла глаза и прошептала:

— Вера, я не могу. Всё не так. Я не могу выйти туда.

— Можешь, — сказала я. — Ты уже выходила. Двадцать минут назад, в свадебном платье, и это было красиво. Сейчас ты просто немного устала.

— Я устала не от платья. Я устала от того, что все смотрят.

— Все всегда смотрят, — сказала бабушка. — В моё время смотрели ещё больше. И ничего, живы.

Кристина слабо улыбнулась. Я накрыла её руку своей и почувствовала, как она дрожит. Вот это — настоящая работа. Не торт, не цветы, не тайминг. А вот это: вернуть человеку дыхание.

— Через десять минут выходим, — сказала я. — Сначала вынос торта. Потом первый танец. Потом ты можешь плакать сколько хочешь, но только когда я скажу «начали».

— А если я снова упаду?

— Тогда я упаду рядом, и мы вместе полежим, — сказала я. — Но сначала торт. Он, между нами, вкусный. Я прове-

ряла.

Я не проверяла. Но это была ложь во спасение.

Зал гудел. Триста человек, белые скатерти, хрусталь, который помнил ещё прошлый век, и струнный квартет, который играл что-то из Вивальди так старательно, будто от этого зависела их виза. Я стояла за кулисами — если у особняка могут быть кулисы, — и держала рацию. Да, у меня была рация. В моей профессии это не понты, а необходимость: телефон в зале не слышно, а кричать «Лена, торт!» через весь зал — дурной тон.

— Торт готов? — спросила я в рацию.

— Готов, — сказала Лена. — Верхний ярус поставили. Всё как на фото.

— Надпись?

— Как заказывали.

Я кивнула. За спиной Кристина дышала ровно, жених — его звали Артём — держал её за руку и смотрел в зал с видом человека, который уже мысленно подсчитывает, сколько это стоило его отцу. Родня сидела по обе стороны стола, как две армии перед битвой. Кто-то уже успел поссориться из-за места, но я велела рассадить их так, чтобы между ними всегда был кто-то нейтральный — официант, тётя из другого города, струнный квартет.

— Начали, — сказала я в рацию.

Свет приглушили. Квартет перешёл на что-то торжественное. Двери в зал открылись, и официанты вынесли торт — три яруса, белый, с живыми цветами, с надписью, которую обсуждали три недели. Я стояла у стены, скрестив руки, и наблюдала за реакцией. Сначала ничего. Потом кто-то хихикнул. Потом хихиканье переросло в смех. Потом смех стал неловким. Потом наступила тишина.

Я посмотрела на торт.

На верхнем ярусе, аккуратными кремовыми буквами, было написано: **«Брак не гарантируется»**.

Я моргнула. Надпись не исчезла.

Кристина ахнула. Артём побледнел. Мать невесты схватилась за сердце, отец жениха схватился за телефон — звонить, кому — я не знала, но явно не кондитеру с благодарностью. Кто-то за столом сказал: «Ну, в общем-то, честно». Кто-то засмеялся громче, чем следовало. Фотограф, который был пьян, но не настолько, чтобы не соображать, начал снимать с удвоенной силой. Соцсети, я знала, уже работали.

Я вышла в центр зала. Не потому, что была смелая. Потому что если бы я не вышла, через минуту здесь была бы не свадьба, а скандал с битьём посуды. А посуда была антикварная. Я не могла себе этого позволить.

— Друзья! — сказала я, и мой голос, к счастью, не дрогнул. — Прошу внимания!

Все повернулись. Триста человек, и все смотрят на меня. В моей профессии это нормально. Но обычно я говорю то-

сты, а не тушу пожары.

— У нас небольшая накладка с тортом, — сказала я. — И я хочу сказать спасибо тому, кто это сделал. Потому что это лучший тост, который я слышала за восемь лет работы.

Кто-то засмеялся. Хорошо.

— Мы все знаем, что брак — это не гарантия. Это не страховка, не договор, не обещание, которое можно положить в банк под проценты. Это выбор. Каждый день. И сегодня Кристина и Артём делают этот выбор — не потому, что так написали на торте, а потому, что они так решили. А торт... — я сделала паузу, — торт просто честный. Как и положено торту.

Кристина посмотрела на меня. В её глазах были слёзы, но уже не те, что двадцать минут назад. Артём выдохнул. Мать невесты опустила руку от сердца. Отец жениха убрал телефон.

— А теперь, — сказала я, — давайте есть. Потому что, честно говоря, я не уверена, что там написано на следующих ярусах.

Зал засмеялся. Настоящим, тёплым смехом. Кто-то захлопал. Квартет, слава богу, понял момент и заиграл что-то лёгкое. Я отошла к стене, взяла рацию и сказала тихо:

— Лена. Найди мне кондитера. И курьера. И того, кто занёс этот торт. Сейчас.

— Вера Андреевна, — сказала Лена, — тут какая-то женщина. Говорит, что она гостья. Блондинка. Высокая.

Я закрыла глаза.

— Не пускай её в подсобку, — сказала я. — И ко мне не пускай. Пока я не найду, кто это сделал.

Но было поздно. Блондинка уже была в зале. И она смотрела прямо на меня.

Сцена 3. «Ну что, будем оформлять?»

Она стояла у колонны с бокалом шампанского, которое не пила, а держала, как реквизит. Блондинка. Высокая. В тёмно-синем платье, которое стоило дороже, чем мой месячный гонорар за эту свадьбу. Улыбалась так, будто пришла не на чужой праздник, а на собственный бенефис.

Я подошла к ней первой. В моей профессии нельзя ждать, пока скандал подойдёт к тебе сам.

— Добрый вечер, — сказала я. — Вера. Организатор.

— Алина, — сказала она. — Гостья.

— Гостья, которая занесла торт?

Она посмотрела на меня с удовольствием. Так смотрят люди, которые знают, что сделали что-то плохое, но считают это искусством.

— Я не заносила торт, — сказала она. — Я помогла курьеру. Он был такой усталый. Вы бы ему премию выписали.

— Вы понимаете, что я могу вызвать охрану?

— Можете. — Она отпила шампанское. — Но тогда все узнают, что торт подменила бывшая жениха. А вам, насколько я понимаю, нужна не правда, а красивая картинка.

Она была права. Это было неприятнее всего.

— Зачем? — спросила я.

— Потому что он мне обещал то же самое. — Она кивнула в сторону Артёма. — «Навсегда». А потом встретил Кристину, и «навсегда» вдруг стало «на время». Я просто вернула надпись на место.

Я хотела сказать что-то резкое, но не успела. Мать невесты уже заметила Алину. И, судя по лицу, узнала.

— Это она, — сказала мать невесты. Громко. На весь зал.
— Это она, та самая!

Зал замер. Триста человек — это много. Триста человек, которые одновременно перестают жевать, — это очень тихо.

— Какая «та самая»? — спросила тётя из другого города, которая сидела между двумя армиями и до этого момента чувствовала себя прекрасно.

— Бывшая! — Мать невесты ткнула пальцем. — Артём, ты пригласил свою бывшую?!

Артём побледнел ещё сильнее, хотя, казалось, дальше некуда.

— Я не приглашал! — сказал он.

— Я сама пришла, — сказала Алина. — Меня не пригласили. Это гораздо интереснее.

Кристина встала. Медленно. Платье шуршало. В зале стало ещё тише.

— Вон, — сказала она. — Вон из моего дня.

— Это и мой день тоже, — сказала Алина. — Я его ждала дольше, чем ты.

Вот тут всё и началось.

Двоюродный брат жениха — тот, что сидел слева и уже успел выпить лишнего, — встал и сказал что-то про «незванных гостей». Двоюродная сестра невесты — та, что сидела справа и тоже успела, — сказала, что «незваные гости — это те, кто женится без приглашения». Кто-то толкнул стул. Стул задел официанта. Официант уронил поднос. Поднос упал на антикварную вазу. Ваза разбилась с таким звуком, будто ей было больно.

И вот тут бабушка жениха — та самая, которой я велела остаться в комнате невесты, но которая, судя по всему, вышла покурить и вернулась не в тот момент, — оказалась самым быстрым бойцом в семье. Она первой схватила сумочку и приложила ею двоюродного брата невесты. Тот не ожидал. Никто не ожидал. Бабушке было восемьдесят два.

— Прекратить! — крикнула я, но меня никто не услышал.

Я сделала то, что делала всегда в таких случаях: встала между двумя армиями и подняла руки. Рация полетела на пол. Кто-то наступил мне на ногу. Кто-то плеснул вином на платье. Я почувствовала, как чужая рука хватает меня за локоть, и обернулась — это была Лена.

— Вера Андреевна, я вызвала охрану!

— Молодец, — сказала я. — Теперь найди мне того, кто отвечает за этого жениха. Юриста. Семейного. Сейчас.

Охрана появилась через минуту — двое в чёрном, с лицами, которые повидали больше, чем свадебный зал. Они раз-

няли дерущихся так быстро, что бабушка не успела применить второй приём.

И тогда в дверях появился он.

Высокий. Тёмный костюм, который сидел так, будто был сшит на заказ у человека, которому он доверяет. Волосы — с проседью на висках, ровно столько, чтобы выглядеть опытным, а не старым. Лицо — спокойное, как у человека, который видел сотни таких сцен и ни разу не удивился. Он стоял и смотрел на разбитую вазу, на торт, на драку, на Алину, на Кристину, на меня.

Потом он подошёл ко мне. Не к матери невесты, не к отцу жениха. Ко мне.

— Марк, — сказал он. — Юрист семьи жениха. — И, помолчав секунду, добавил: — Ну что, будем оформлять?

— Вы сейчас про иск или про развод? — спросила я.

— Пока не знаю, — сказал он. — Я вообще-то по разводам. Но сегодня, судя по всему, у меня будет практика по свадьбам.

Он посмотрел на торт с надписью «Брак не гарантируется». Потом на Алину. Потом на меня.

— Кто заказал торт?

— Кондитер, — сказала я. — Проверенный.

— Проверенный, — повторил он. — Это как «надёжный брак». До первого скандала.

Я хотела ответить резко. Но вместо этого посмотрела на него и вдруг поняла, что он не смеётся надо мной. Он просто

устал. Так же, как я. И от этого стало почему-то легче.

— В подсобке есть камеры, — сказала я. — Особняк старый, но хозяева поставили камеры после прошлого скандала.

— Прошлого?

— На прошлой свадьбе дедушка невесты вынес столовое серебро. В наволочке.

Марк кивнул так, будто это было самое нормальное сообщение за вечер.

— Тогда у нас есть запись, — сказал он. — И это уже не моя практика. Это ваша.

— Я не юрист.

— Я тоже не организатор свадеб. — Он оглядел зал. — Но сегодня, кажется, нам придётся друг друга подменить.

Алина стояла у колонны и смотрела на нас. Улыбка с неё сошла. Она поняла, что переиграла. Или что её переиграли.

Кристина плакала. Артём держал её за руку. Мать невесты требовала вызвать полицию. Отец жениха требовал полицию не вызывать, потому что «зачем нам протокол, у нас же свадьба». Бабушка жевала канapé с видом победителя. Торт стоял на столе с надписью, которая уже не казалась шуткой.

А я стояла рядом с человеком, которого видела впервые, и почему-то думала о том, что мне не мешало бы выпить тот холодный кофе, который оставила Лена. Он был уже, наверное, совсем холодный. Холоднее некуда.

Как и моя карьера, если через час я не найду того, кто это сделал.

— Марк, — сказала я. — Вы, кажется, знаете, где подсобка.

— Показывайте, — сказал он. — И, кстати, зовите меня просто Марк. Без «вы». Мы же коллеги теперь.

— С чего вы взяли?

— Потому что я сейчас пойду посмотреть запись, где ваша сотрудница заносит торт, — сказал он. — А вы пойдёте со мной, потому что вам интересно. А потом мы с вами будем решать, как спасти репутацию, работу и этот торт. Это называется командой. Даже если мы друг друга не любим.

Мы пошли в подсобку. За нами шла охрана, Лена с блокнотом и бабушка жениха, которая сказала, что «ей тоже интересно».

А в зале остался торт с надписью «Брак не гарантируется». И никто, ни один человек из трёхсот, уже не смеялся.

Глава 2. «Запись»

Сцена 1. «Подсобка»

Я не любил свадьбы. Это не было профессиональной деформацией — хотя, наверное, и ею тоже. Я просто не понимал, зачем люди тратят три годовых зарплаты на то, чтобы триста человек посмотрели, как они целуются под Вивальди. Но я был юристом семьи жениха, а юрист семьи жениха обязан присутствовать. Не потому, что его любят. Потому, что он стоит дорого.

Подсобка особняка на Английской набережной пахла пылью, картоном и чужими надеждами. Здесь стояли коробки с

цветами, запасные скатерти, ящик с посудой и — я не шутил — старая клетка для попугая. В этом городе даже подсобки имели историю.

Вера шла впереди. Я смотрел на её спину — ровную, напряжённую, как тетива, — и отмечал детали. Она не суежилась. Она не охала. Она шла так, будто уже знала, что найдёт, и просто давала фактам догнать её.

— Вот здесь, — сказала она, останавливаясь у стеллажа с коробками. — Камера в углу. Хозяева поставили после того, как на прошлой свадьбе дедушка невесты вынес серебро в наволочке.

— В наволочке, — повторил я. — Классика.

— Он сказал, что это приданое. — Вера пожала плечами. — Никто не стал спорить. Он был с тростью.

Охрана осталась у двери. Лена с блокнотом встала у стены. Бабушка жениха — та самая, с сумочкой — прошла вперёд и уселась на ящик с посудой так уверенно, будто это было её законное место.

— Я тоже посмотрю, — сказала она. — Я в кино хожу каждую неделю. Разбираюсь.

Вера включила запись.

На экране появился коридор. Время — 17:42. Курьер с коробкой. Высокая блондинка в тёмно-синем платье. Она что-то говорит, улыбается. Курьер кивает, отдаёт коробку, уходит. Блондинка заходит в подсобку. Через сорок секунд выходит без коробки. Поправляет платье. Улыбается в камеру

— прямо в камеру, я готов был поклясться, — и уходит.

— Алина, — сказала Вера. — Бывшая.

— Вижу, — сказал я. — Она не пряталась.

— Она не думала, что мы посмотрим запись. Или думала, что нам не хватит мозгов.

— А вы? — спросил я. — Хватит?

Вера посмотрела на меня. Глаза у неё были серые, с какой-то усталой иронией, которая мне неожиданно понравилась.

— Хватит, — сказала она. — Вопрос в том, что мы с этим сделаем.

— Торт она поменяла? — спросила бабушка, подавшись вперёд. — Или только надпись?

— Скорее всего, принесла свой ярус, — сказала Вера. — У неё в коробке был торт. Она занесла его, поменяла верхний ярус, а оригинал спрятала.

— За коробками, — сказал я. — Проверим.

Я не стал ждать. Подошёл к стеллажу, отодвинул две коробки — и увидел его. Белый ярус, идеальная глазурь, надпись «Навсегда». Он стоял там, как брошенный ребёнок, и никто не обращал на него внимания.

— Вот, — сказал я. — Преступление раскрыто. Осталось только найти преступницу.

— Её не надо искать, — сказала Вера. — Она в зале. Она смотрит.

Бабушка хмыкнула.

— Умная девка, — сказала она. — Злая, но умная.

— В этом городе камеры есть даже в подсобках, — сказал я, не обращаясь ни к кому конкретно. — Петербург привык всё запоминать. Даже то, что ему не нужно.

Лена что-то записала в блокнот. Я заметил, что она записывает не всё, а только то, что говорит Вера. Хорошая помощница. Знает, чьи слова стоят денег.

— Что вы предлагаете? — спросила Вера.

— У вас есть запасной торт?

— Есть. Простой, без надписи. На случай, если невеста передумает в последний момент.

— Невеста передумала в последний момент, — сказал я.

— Только не она. Подавайте запасной. А с этой, с Алиной, я поговорю.

Вера прищурилась.

— Вы? Она вас не знает.

— Это даже лучше, — сказал я. — Я скажу ей, что у меня есть запись. И предложу выбор: либо она уходит тихо и забывает дорогу сюда, либо я передаю запись отцу жениха. А он, между нами, человек, который три года судился с соседом из-за забора. Он не поленился. Он полюбит это дело всей душой.

Бабушка засмеялась. Коротко, как выстрел.

— Мне нравится, — сказала она. — Я его забираю.

— Кого? — не понял я.

— Вас, — сказала она. — Вы хороший мальчик. Только

серьёзный.

Вера смотрела на меня. Не с благодарностью — с оценкой. Так смотрят на инструмент, который пока не решили, брать или нет.

— Вы правда пойдёте с ней говорить? — спросила она.

— Пойду.

— Почему?

— Потому что если пойдёте вы, это будет скандал. А если я — это будет процедура. Люди боятся процедур больше, чем скандалов. Скандал заканчивается. Процедура — никогда.

Она выдохнула. Впервые за весь вечер. Тихо, почти незаметно.

— Хорошо, — сказала она. — Только не говорите ей, что я знаю про камеры. Пусть думает, что это ваша идея.

— Зачем?

— Мне нужно, чтобы она продолжала считать меня душой, — сказала Вера. — Дура — это щит. Пока она думает, что я ничего не понимаю, я могу работать.

Я посмотрел на неё. И вдруг понял, что она не просто организатор свадеб. Она солдат. Как и я. Только у нас разные фронты.

— Ладно, — сказал я. — Я пойду.

— Я подожду здесь, — сказала Вера. — С тортом.

— С оригиналом?

— С запасным. Оригинал пусть остаётся. Вдруг пригодит-

ся.

Бабушка поднялась с ящика и похлопала меня по плечу.

— Не забудь: она любит шампанское, — сказала она. — Но не пьёт. Держит, чтобы руки были заняты. Значит, боится. Дави на это.

Я кивнул. И вышел из подсобки, оставив Веру с тортом, бабушку с победой, а Лену — с блокнотом, где было записано всё, что стоило денег.

Сцена 2. «Процедура»

Алина стояла у колонны, где я её и оставил. Она не пила шампанское — держала бокал, как держат оружие, которое не собираются применять, но хотят, чтобы все видели. Бабушка была права: руки заняты, значит, боится.

Я подошёл и встал рядом. Не напротив — рядом. Так, чтобы она не чувствовала себя загнанной в угол, но и не могла уйти, не задев меня.

— Марк, — сказал я. — Юрист семьи жениха.

— Алина. — Она посмотрела на меня с той же улыбкой, что и на Веру. — Гостья.

— Гостья, которая занесла торт.

Улыбка не дрогнула.

— Я уже говорила вашей организатору. Я просто помогла курьеру.

— Курьеру, — повторил я. — Который стоял у входа с ко-

робкой, на которой было написано «Навсегда». А вы занесли коробку, на которой было написано «Брак не гарантируется». И оригинал спрятали за коробками в подсобке. У вас, кстати, сорок секунд на всё. Я засёк. Впечатляет.

Она наконец замолчала. Не испугалась — оценила. Так смотрят люди, которые понимают, что противник сильнее, но ещё не решили, сдаваться или торговаться.

— У вас есть запись, — сказала она. Не спросила.

— Есть. И у меня есть отец жениха, который три года судился с соседом из-за забора. Он не поленился. Он полюбит это дело всей душой. А ещё у меня есть пресса, которая уже снимала торт. И соцсети, где ваша надпись уже, наверное, собрала больше лайков, чем сама свадьба.

— Вы мне угрожаете?

— Я вам предлагаю выбор. — Я сказал это спокойно, без нажима. — Либо вы уходите тихо. Прямо сейчас. Без скандала, без прощаний. И забываете дорогу сюда. Либо я передаю запись отцу жениха, и дальше начинается процедура. А процедура, Алина, — это когда вы перестаёте быть гостьей и становитесь ответчиком.

Она смотрела на меня. Долго. Потом поставила бокал на подоконник. Руки у неё больше не были заняты.

— Я его любила, — сказала она. — Не для протокола. Просто чтобы вы знали.

— Я знаю, — сказал я. — Но это не отменяет того, что вы сделали.

— А что я сделала? — Она вдруг улыбнулась, но уже не победно. Устало. — Я вернула надпись на место. Он мне обещал то же самое. «Навсегда». А потом встретил Кристину, и «навсегда» стало «на время». Я просто напонила.

— Вы испортили день не ему. Вы испортили его ей. Кристина ничего вам не обещала.

Она опустила глаза. Впервые за вечер.

— Я знаю, — сказала она тихо. — Я не думала, что будет так... громко.

— Уходите, — сказал я. — Тихо. Через чёрный ход. Я скажу охране, чтобы вас проводили.

Она кивнула. Взяла сумочку. И, уже уходя, обернулась:

— Скажите ей... — Она запнулась. — Скажите Кристине, что я не хотела. Ну, чтобы она знала.

— Я скажу, — сказал я. — Но не буду обещать, что она поверит.

Алина ушла. Я постоял секунду, глядя на бокал, который она оставила на подоконнике. Шампанское выдохлось. Как и её месть.

Дальше была процедура. Моя работа.

Отец жениха — Виктор Павлович, мужчина с лицом человека, который привык, что всё покупается, — стоял в холле и требовал «разобраться». Мать невесты — Ирина Львовна, женщина с лицом человека, который привык, что всё долж-

но быть идеально, — требовала «наказать». Я стоял между ними и говорил то, что говорил всегда в таких случаях.

— Виктор Павлович, Ирина Львовна. Сейчас у нас есть выбор. Первый вариант: мы вызываем полицию, составляем протокол, торт попадает в прессу, а завтра о вашей свадьбе пишут в новостях. Не в светской хронике, а в криминальной. Второй вариант: мы меняем торт, продолжаем вечер, и никто ничего не узнаёт. Ни пресса, ни гости, ни те, кто не был приглашён. Только мы.

— А эта? — спросила Ирина Львовна. — Бывшая?

— Она уходит, — сказал я. — Тихо. Прямо сейчас.

— И вы её отпустите?!

— Я отпущу её, — сказал я. — Потому что если я её задержу, начнётся процедура. А процедура — это публичность. А публичность — это не то, что вам нужно сегодня.

Виктор Павлович посмотрел на меня с уважением. Он понял слово «процедура». Он с такими словами жил.

— А торт? — спросил он. — Что с тортом?

— Запасной торт, — сказал я. — Без надписи. Просто торт. Он вкусный.

— Откуда вы знаете?

— Организатор сказала. — Я не стал уточнять, что она не проверяла. — Она плохого не посоветует.

Ирина Львовна выдохнула.

— Хорошо, — сказала она. — Но я хочу, чтобы эта... — она поискала слово, — особа больше никогда не появлялась

в нашем доме.

— Её не будет, — сказал я. — Я прослежу.

Когда они ушли, я заметил, что Вера стоит в дверях холла. Она не подслушивала — она ждала. Но по её лицу было видно, что она слышала всё.

— «Процедура», — сказала она. — «Ответчик». Вы говорите, как человек, который никогда не проигрывает.

— Я проигрываю, — сказал я. — Просто не сегодня.

Она подошла ближе.

— Она ушла?

— Ушла. Через чёрный ход. Попросила передать Кристи-не, что не хотела.

— И вы передадите?

— Передам. Но не буду обещать, что она поверит.

Вера кивнула. Медленно. Как будто поставила галочку в списке, которого я не видел.

— Запасной торт уже выносят, — сказала она. — Без надписи. Просто торт.

— Хорошо.

— И ещё. — Она помолчала. — Спасибо. Я не люблю это говорить. Но спасибо.

— Не за что, — сказал я. — Я просто делал свою работу.

— Я тоже, — сказала она. — Просто делаю свою. — И ушла в зал, где уже играл квартет и кто-то смеялся над чем-то своим.

Я постоял в холле ещё минуту. Посмотрел на бокал с

выдохшимся шампанским. Посмотрел на часы. Было почти полночь. Мосты скоро разведут. Я подумал, что если не уйду сейчас, то останусь до утра — и не потому, что должен, а потому, что хочу посмотреть, как она работает.

Это было нехорошим знаком. Я это понимал.

Сцена 3. «Второй шанс»

Зал опустел так, как опустевают только свадебные залы: быстро, неловко и с запахом цветов, которые уже начали увядать. Официанты складывали стулья. Квартет ушёл первым — у них была виза и поезд. Фотограф спал на диване в холле, обняв камеру, как ребёнка. Бабушка жениха уехала, оставив после себя пустую тарелку и ощущение, что вечер удался.

Я остался. Формально — чтобы забрать документы. Неформально — потому что не хотел уходить. Я не стал себе врать: мне было интересно, как она работает, когда никто не смотрит.

Вера прибирала. Не командовала, не раздавала указания — просто собирала бокалы на поднос и складывала салфетки в стопку. Движения были точные, экономные, как у человека, который делал это тысячу раз и знал, что если делать быстро, можно успеть до разводного моста.

— Вы ещё здесь, — сказала она, не оборачиваясь.

— Документы, — сказал я. — И ещё мне казалось, что вы не откажетесь от кофе.

Она обернулась. В руках был поднос, на подносе — шесть бокалов.

— У меня нет кофе. У меня есть холодный кофе. Он уже три часа стоит.

— Холодный — это хорошо, — сказал я. — Я не люблю ждать, пока остынет.

Она поставила поднос на стол и посмотрела на меня так, будто решала, стоит ли тратить на меня время. Решила, что стоит. Достала из сумки термос — обычный, металлический, с царапинами, — и налила в пластиковый стаканчик. Тёмная жидкость. Пахла крепко.

— Пейте, — сказала она. — Только не спрашивайте, что это.

— А что это?

— Я сказала, не спрашивайте.

Я отпил. Крепко. С горчинкой. С чем-то, что я не смог опознать, но что явно было добавлено для бодрости.

— Хорошо, — сказал я. — Что это?

Она усмехнулась. Впервые за вечер — по-настоящему.

— Кофе, — сказала она. — Просто кофе. Я пью только холодный. Так меньше шансов обжечься, когда всё горит.

— Логично.

Мы сели за стол — она напротив меня, я спиной к пустому залу. За окном моросил дождь. Мосты, наверное, уже разводили, но отсюда не было видно. Только слышно, как где-то далеко гудит вода и город.

— Вы давно этим занимаетесь? — спросил я.

— Восемь лет. — Она отпила из своего стаканчика. — А вы?

— Двенадцать. Разводы.

— И как? — Она посмотрела на меня поверх стаканчика.

— Не устали?

— Устал, — сказал я. — Но не от работы. От того, что люди делают друг с другом.

— А я устала от того, что люди делают вид, — сказала она. — Что всё идеально. Что торт «Навсегда». Что улыбки настоящие. Что они счастливы.

— И что хуже?

— Что хуже?

— Что хуже — когда делают друг с другом, или когда делают вид?

Она задумалась. Долго, без спешки. Так, как думают люди, которые не боятся паузы.

— Не знаю, — сказала она наконец. — Наверное, и то и другое. Просто по-разному.

— Я видел слишком много «навсегда», — сказал я. — Которые заканчивались дележом кота. И знаете, что самое смешное? Люди женятся, чтобы не быть одни. А разводятся, чтобы не быть одни вместе.

— А я видела слишком много «навсегда», — сказала она. — Которые начинались с торта. С красивого, дорогого торта. А заканчивались тем, что кто-то из них забывал, какой у

другого размер обуви.

— И вы всё равно это делаете.

— Делаю. — Она пожала плечами. — Потому что иногда получается по-настоящему. Один раз из десяти. Может, из двадцати. Но получается. И ради этого стоит возиться с тор-
тами.

Я поставил стаканчик на стол. Посмотрел на неё.

— У меня есть идея, — сказал я.

— У вас есть идея.

— Да. — Я не стал ходить вокруг. — Проект. Для пар, ко-
торые на грани развода. Не «спасите наш брак» и не «поми-
ритесь ради детей». А церемония. Настоящая. Где они могут
либо попрощаться по-человечески, либо попробовать ещё
раз. Красиво. С уважением. Без суда и без дележа кота.

— Церемония развода, — сказала она. — Вы серьёзно?

— Абсолютно. Люди платят за красивые свадьбы. Почему
бы им не платить за красивые разводы? Не для всех. Для тех,
кто хочет уйти по-человечески. Это огромный рынок, и он
никем не занят.

Она смотрела на меня. Не с ужасом — с интересом. Тем
самым, от которого у меня в груди что-то дёрнулось, хотя я
не просил.

— И вы хотите, чтобы я это организовала, — сказала она.
Не спросила.

— Я хочу, чтобы вы делали то, что умеете. Красиво. Теп-
ло. С юмором. А я буду делать то, что умею я. Процедуры.

Люди. Границы.

— Вы предлагаете мне работать с вами? — Она усмехнулась. — После одного торта?

— После одного торта я понял, что вы не паникуете, — сказал я. — А это редкость. И ещё я понял, что вы умеете говорить «спасибо» так, чтобы это звучало как «я вас запомнила».

Она засмеялась. Коротко, неожиданно для себя.

— Вы опасный человек, Марк.

— Я юрист. Это одно и то же.

Она помолчала. Посмотрела в окно. Потом на меня.

— А что вы получаете?

— Проценты, — сказал я. — И, возможно, перестану смотреть на брак как на бизнес-процесс.

— А если не перестанете?

— Тогда у меня будет хотя бы красивый проект.

Она встала. Собрала бокалы. Поставила на поднос. И, уже не глядя на меня, сказала:

— Я подумаю. Но мне не нравится, как вы это видите.

— Знаю, — сказал я. — Поэтому и предлагаю.

— Что?

— Что вам не понравится, — сказал я. — Если бы вам всё понравилось сразу, это был бы не проект, а ещё один торт.

Она обернулась. Улыбка у неё была усталая, но настоящая.

— Вы меня настораживаете, — сказала она.

— Это комплимент?

— Это предупреждение.

Она ушла в подсобку. Я остался за столом, допил холодный кофе и посмотрел на пустой зал. Где-то за окном развели мост. Я не слышал — просто знал. В этом городе всё было по расписанию.

Мой телефон завибрировал. Сообщение от матери: «Ты где? Ты помнишь, что в субботу ужин?» Я не помнил. Я никогда не помнил. Я положил телефон в карман и пошёл к выходу.

В дверях я обернулся. Вера стояла в подсобке, спиной ко мне, и складывала коробки. На столе лежал оригинальный ярус с надписью «Навсегда». Она не стала его выбрасывать.

Я вышел на улицу. Дождь усилился. Мосты были разведены. Я стоял на набережной и думал о том, что мне впервые за двенадцать лет хочется не составить договор, а просто остаться.

Это было нехорошим знаком. Я это понимал.

Глава 3. «Утро после»

Сцена 1. «Разбор полётов»

Я не спала. Точнее, спала — но так, как спят люди, которые знают, что утром придётся смотреть в глаза тому, что они вчера не удержали. Три часа. Может, четыре. В какой-то момент мне приснилось, что торт с надписью «Брак не гарантируется» стоит в моей спальне и смотрит на меня. Я проснулась с мыслью, что мне нужно сменить профессию. Потом

посмотрела на часы, поняла, что опаздываю, и передумала.

Офис нашего агентства находился на Литейном, в старом доме с лепниной и лифтом, который помнил ещё времена, когда слово «лифт» считалось буржуазным. Я поднялась по лестнице — лифт был сломан третий месяц, а хозяин говорил, что «починит, как только найдёт мастера, который не боится высоты». На третьем этаже пахло кофе и принтером. Наша офисная кухня была размером с шкаф, но Лена ухитрялась варить там кофе так, что запах долетал до первого этажа.

Я вошла и поняла, что что-то не так.

Обычно утром в офисе тихо. Лена что-то печатает, Эдуард пьёт чай и читает новости, бухгалтер Ирина считает, сколько мы потратили на цветы, которые завяли на прошлой неделе. Но сегодня было шумно. Из кабинета Эдуарда доносился смех. Не один. Два. Может, три.

Лена выскочила мне навстречу с телефоном в руке.

— Вера Андреевна! Вы видели?!

— Что я должна была видеть?

— Вас! В интернете! — Она сунула мне телефон. — Это уже везде. ТикТок, телеграм, даже в новостях!

Я взяла телефон. На экране была я — вчера, в зале, в момент, когда я говорила тост про «торт просто честный». Кто-то снял это на видео и выложил с подписью: «Организатор свадьбы спасла скандал с тортом „Брак не гарантируется“». Просмотры: шестьсот тысяч. Комментарии: девять тысяч. И

все новые.

Я пролистала. «Она гений». «Я бы так не смогла». «А что, если это был пиар?» «Торт просто честный — это теперь мой девиз». «Кто эта женщина?»

— Шестьсот тысяч, — сказала Лена. — За ночь.

Я отдала ей телефон.

— Где Эдуард?

— У себя. Он... — Лена замаялась. — Он в хорошем настроении.

Это было хуже, чем если бы он был в плохом.

Эдуард сидел за столом, положив ноги на кресло, и пил чай из чашки с надписью «Я не псих, я творческий». Ему было пятьдесят три, он двадцать лет владел агентством, он пережил три кризиса, две жены и одного конкурента, который пытался его похоронить и умер сам. У него была седая борода, которую он отрастил, чтобы выглядеть мудрее, и глаза человека, который смеётся над миром, потому что иначе пришлось бы плакать.

— Вера Андреевна, — сказал он, не убирая ног. — Проходите. Садитесь. Хотите чаю? У нас есть чай. У нас теперь всё есть.

— Эдуард Борисович, — сказала я. — Я всё объясню.

— Объясните, — сказал он. — Только сначала скажите: вы понимаете, что нам сейчас нужно?

— Извиниться перед клиентами? Вернуть деньги? Написать заявление?

— Нам нужно, чтобы вы это повторили, — сказал он. — На камеру.

Я моргнула.

— Что?

— То, что вы сказали про торт. Про «честный». Про то, что брак — это выбор. Это было гениально. — Он наконец убрал ноги и сел прямо. — Вера, вы понимаете, что это лучший пиар за год? За два года! У нас шестьсот тысяч просмотров, о нас говорят, нас гуглят, нам звонят! Мне уже позвонили из двух журналов и один человек из Москвы, который хочет «то же самое, но с медведем».

— С медведем?

— Не важно. — Он махнул рукой. — Важно то, что скандал не убил нас. Скандал нас поднял. Вы — герой. И мы должны это использовать.

— Вы не злитесь?

— Злюсь? — Он засмеялся. — Я в восторге! Вера, я двадцать лет пытаюсь объяснить людям, что свадьба — это не «навсегда», а бизнес. А вы объяснили это за сорок секунд, и вас услышали шестьсот тысяч человек. Вы сделали то, что я не смог сделать за двадцать лет. Как я могу злиться?

Я села в кресло напротив. Ноги у меня были ватные.

— Значит, я не уволена?

— Уволена?! — Он посмотрел на меня так, будто я пред-

ложила ему закрыть агентство. — Вера, я хочу дать вам премию. Я хочу дать вам отпуск. Я хочу дать вам проект, о котором вы будете рассказывать внукам. — Он помолчал. — Кстати, о проекте.

Я поняла, что сейчас будет.

— Эдуард Борисович.

— Я уже подписал договор, — сказал он. — С Марком. С юристом. С тем самым, который вчера разгребал драку. У него есть идея. Мне она нравится.

— Вы подписали договор без меня?

— Я подписал договор, потому что он позвонил мне в полночь, — сказал Эдуард. — А в полночь я подписываю всё, что не требует залога. — Он улыбнулся. — Это шутка. Почти. Вера, вы же понимаете, что это шанс. Церемонии для пар на грани развода. Красивые. С уважением. Без суда и делажа кота. Это рынок, который никто не занял. И у нас есть человек, который умеет делать красиво. — Он ткнул в меня чайной ложкой. — Вы.

Я смотрела на него и думала, что если бы я вчера не сказала тот тост, если бы я просто стояла и смотрела, как горит зал, — сейчас я была бы безработной. А может, и нет. Может, Эдуард всё равно нашёл бы способ использовать скандал. Он умел превращать пепел в удобрение.

— Я не работаю с разводами, — сказала я.

— Вы работаете с людьми, — сказал Эдуард. — Развод — это тоже люди.

Я вздохнула. Второй раз за два дня я слышала одну и ту же фразу. Сначала от Марка. Теперь от Эдуарда. Они, кажется, уже договорились друг с другом.

— Что от меня требуется? — спросила я.

— Пока — встретиться с клиентами, — сказал Эдуард. — Первый выезд завтра. Квартира на Петроградке. Пара, пятнадцать лет брака, на грани. Марк сказал, что они хотят «второй шанс». И они хотят, чтобы вели вы.

— Почему я?

— Потому что вы теперь знаменитость, — сказал он. — И потому что вы умеете говорить «торт просто честный» так, что люди верят.

Лена принесла мне кофе — холодный, в моём термосе, который она, оказывается, привезла из особняка. Я сделала глоток. Крепко. С горчинкой. То, что надо.

— Вера Андреевна, — сказала Лена, присаживаясь на край стола. — А это правда, что вы с ним теперь работаете?

— С кем?

— С Марком. С юристом.

— Пока не знаю, — сказала я. — Эдуард уже всё подписал.

— А вы? — Лена смотрела на меня с любопытством. — Вы бы хотели?

Я задумалась. Честно задумалась. Вчера я стояла с ним в

пустом зале, пила холодный кофе и слушала, как он говорит о разводах. Он не был добрым. Он не был мягким. Но он был честным. А честность в моей профессии — это редкость. Так же, как торт без надписи.

— Не знаю, — сказала я. — Мне не нравится, как он это видит.

— Как?

— Он думает, что красиво можно сделать всё. Даже развод. А я думаю... — Я помолчала. — Я думаю, что красиво можно сделать только то, во что ты веришь. Развод — это не красиво. Это больно. Но иногда — нужно. И если сделать это по-человечески, может быть, станет чуть менее больно. Это другое.

Лена записала что-то в блокнот. Я не спрашивала, что. В моей профессии лучше не знать, что записывают помощники. Так спокойнее.

Через час позвонил Марк.

Я сидела в своём кабинете — маленьком, с пробковой доской, где висели фото свадеб, — и разбирала почту. Шесть писем от клиентов, которые хотели «тот самый торт». Я не знала, что им ответить. «Да, у нас был скандал, но мы всё ещё работаем»? «Торт можно заказать с любой надписью»? «Брак не гарантируется, но скидка — да»?

Телефон завибрировал. Незнакомый номер. Я ответила.

— Вера Андреевна? Марк. Не отвлекаю?

— Отвлекаете, — сказала я. — Я как раз думаю, как ответить людям, которые хотят заказать торт с надписью «Брак не гарантируется».

— И как?

— Пока не придумала. Может, отправить им ваш номер? Он усмехнулся. Коротко, сухо. Мне понравилось, что он не начал с извинений за вчерашнее. Он начал с дела.

— Эдуард Борисович сказал, что вы уже знаете про проект.

— Знаю. Он подписал договор, не спросив меня.

— Он сказал, что вы согласились.

— Он сказал неправду.

— Я так и понял. — Пауза. — Вы против?

Я покрутилась в кресле. Посмотрела на фото свадеб на доске. Там были люди, которые верили, что у них «навсегда». Некоторые из них уже развелись. Я об этом знала. Я помнила их имена.

— Я не против, — сказала я. — Я против того, как вы это видите. Вы думаете, это будет красиво. А это может быть не красиво. Это может быть грустно. И если мы будем делать вид, что это красиво, мы будем врать. А я не хочу врать.

Он помолчал. Долго. Я думала, что он скажет «вы не понимаете рынок» или «клиенты хотят красиво». Но он сказал другое.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда давайте сделаем не кра-

сиво. Давайте сделаем честно. И посмотрим, что получится.

Я не ожидала. И, кажется, он это понял.

— Вы выпили кофе? — спросил он вдруг.

— Что?

— Кофе. Холодный. Вы вчера сказали, что пьёте только холодный. Я запомнил.

Я посмотрела на термос, который стоял на столе.

— Выпила, — сказала я. — Спасибо, что спросили.

— Я всегда спрашиваю, — сказал он. — Это часть моей работы. Выяснять, что человеку нужно, прежде чем предлагать ему процедуру.

— А если я скажу, что мне нужно?

— Я выслушаю. — Пауза. — Завтра в десять. Петроградка. Адрес скину. Клиентов зовут Света и Гриша. Они не злодеи. Они просто устали.

— Все устали, — сказала я.

— Да, — сказал он. — Но не все готовы это признать.

Он положил трубку. Я осталась сидеть с телефоном в руке, глядя на пробковую доску, где висели чужие «навсегда». И думала о том, что впервые за восемь лет мне предложили не сделать красиво, а сделать честно. Это было страшно. Но почему-то от этого стало легче.

Я записала в блокнот: «Завтра. 10:00. Петроградка. Света и Гриша. Не злодеи. Устали».

Потом посмотрела на термос. Он был пустой. Я налила ещё холодного кофе. И подумала, что, может быть, Эдуард

был прав. Может, это и есть шанс. Не на пиар. На что-то другое.

Сцена 2. «Визит»

Он пришёл ровно в полдень. Не раньше, не позже. Я услышала, как скрипнула входная дверь, как Лена сказала «здравствуйте», как Эдуард выскочил из кабинета с криком «Марк! Дорогой!» — и поняла, что сейчас будет.

Марк вошёл в мой кабинет без стука. Не нагло — просто уверенно, как человек, который знает, что его ждут. В руках у него была папка. Тёмно-синяя, с застёжкой. Такие папки бывают у людей, которые никогда не теряют документы.

— Вера Андреевна, — сказал он. — Добрый день.

— Добрый, — сказала я. — Вы быстро.

— Я работаю быстро. Это часть профессии.

Он сел напротив меня, положил папку на стол и раскрыл. Внутри были распечатки: имена, адреса, краткие характеристики клиентов, какие-то схемы, которые я не сразу поняла.

— Света и Гриша, — сказал он. — Сорок два и сорок пять. Женаты пятнадцать лет. Двое детей — сын и дочь, оба уже взрослые, живут отдельно. Квартира на Петроградке, трёхкомнатная, оформлена на Свету. Кот. Имя — Борис. — Он посмотрел на меня. — Кот, кажется, уже выбрал Гришу.

— Почему вы так решили?

— Потому что в заявлении Света пишет: «Кот спит на его подушке. Я не могу это больше видеть». — Он поднял бровь.
— Это не про кота.

— А про что?

— Про то, что она устала быть одна в браке. — Он перевернул страницу. — Гриша, со своей стороны, пишет: «Она всегда закрывает окно. Я задыхаюсь». Тоже не про окно.

Я взяла распечатку. Прочитала. Света и Гриша. Пятнадцать лет. Кот Борис. Окно. Подушка. Всё это было так обыденно, что становилось страшно.

— И вы хотите, чтобы я сделала из этого церемонию?

— Я хочу, чтобы вы сделали из этого разговор, — сказал Марк. — Церемония — это форма. Разговор — это содержание. Вы умеете говорить с людьми. Я умею говорить с их проблемами. Вместе мы можем сделать так, чтобы они либо разошлись по-человечески, либо попробовали ещё раз.

— А если они не захотят ни того, ни другого?

— Тогда мы хотя бы попробуем, — сказал он. — Это больше, чем у них есть сейчас.

В дверях появился Эдуард. С чашкой чая, с улыбкой человека, который уже всё решил.

— Ну что, голубки? — сказал он. — Работаете?

— Эдуард Борисович, — сказала я. — Мы не голубки.

— Пока, — сказал он. — Но я в вас верю. — Он подошёл к

столу и заглянул в папку. — О, Петроградка. Хороший район. Там живут люди, которые любят Петербург, но не любят туристов. — Он посмотрел на Марка. — Вы, кстати, где живёте?

— На Васильевском, — сказал Марк.

— О, остров! — Эдуард закивал. — Там хорошо. Тихо. Если не считать студентов.

— Я не считаю студентов, — сказал Марк. — Я их не замечаю.

Эдуард засмеялся так, будто Марк пошутил. Я не была уверена, что он шутил.

— Ладно, — сказал Эдуард. — Не буду мешать. Вера, ты только это... — Он помолчал. — Не кусайся. Он нам нужен.

— Я не кусаюсь, — сказала я.

— Знаю. Но ты умеешь смотреть так, что люди думают, что ты уже укусила. — Он подмигнул и вышел, прикрыв за собой дверь.

Марк посмотрел на закрытую дверь, потом на меня.

— Он всегда такой?

— Всегда, — сказала я. — Это его способ любить людей.

— Станный способ.

— Он работает. — Я пожала плечами. — Люди остаются.

Уже двадцать лет.

Марк кивнул. Помолчал. Потом сказал:

— Значит, завтра в десять. Я заеду за вами.

— Я сама доеду.

— Я знаю, что вы сами доедете. — Он закрыл папку. — Но если мы приедем вместе, это будет выглядеть как команда. А если по отдельности — как два человека, которые случайно оказались в одной квартире.

— А мы не случайно?

— Нет, — сказал он. — Мы по договору. Но клиентам об этом знать не обязательно.

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня. Между нами было полтора метра стола и папка с чужими проблемами. И почему-то это было важно.

— Хорошо, — сказала я. — Заезжайте. В десять.

— В десять. — Он встал. — И, Вера.

— Что?

— Вы вчера сказали, что не хотите врать. — Он помолчал. — Я тоже не хочу. Поэтому давайте договоримся: если что-то пойдёт не так, мы скажем друг другу. Не клиентам, не Эдуарду. Друг другу.

— Это часть вашей работы? — спросила я. — Договариваться?

— Это часть команды, — сказал он. — Партнёры делят прибыль. Команда делит ответственность. А мы пока делим торт.

Он вышел. Я осталась сидеть с папкой, в которой лежали чужие пятнадцать лет, кот Борис и окно, которое кто-то всегда закрывал.

Лена заглянула в кабинет.

— Вера Андреевна, — сказала она. — А он ничего. Симпатичный.

— Лена.

— Что? Я просто говорю. — Она скрылась за дверью.

Я посмотрела на папку. Потом на термос. Потом на окно. За окном моросил дождь. В этом городе дождь был просто дождём. Но казался больше.

Я открыла блокнот и записала: «Завтра. 10:00. Не врать. Друг другу».

Сцена 3. «Окно»

Петроградка утром была тихой. Не той тишиной, что в центре, где она пахнет историей и деньгами, а другой — домашней, с запахом булочной на углу и собакой, которая лаяла на голубя так, будто голубь был её личным врагом. Марк заехал за мной ровно в десять. Машина — тёмная, чистая, без единой царапины. Я не удивилась.

— Вы всегда приезжаете минута в минуту? — спросила я, садясь в машину.

— Я юрист, — сказал он. — Если я опаздываю, люди думают, что я проиграю дело.

— А вы проигрываете?

— Иногда. — Он завёл двигатель. — Но не из-за опозданий.

Мы ехали молча. Я смотрела в окно. Мимо проплывали

дома с эркерами, дворы-колодцы, коммунальные балконы с бельём, которое никто не снимал уже неделю. Петербург был красивым и уставшим одновременно. Как большинство людей в нём.

— Вы знаете, что скажете им? — спросил Марк.

— Нет, — сказала я. — А вы?

— Тоже нет. — Он помолчал. — Я знаю, что скажу потом. Но не сейчас. Сначала надо посмотреть.

— Посмотреть?

— На них. На квартиру. На то, как они стоят друг рядом с другом. — Он повернул на Стрельнинскую. — Люди врут словами. Но не квартирами.

Дверь открыла Света. Сорок два года, халат, который она, судя по всему, надела специально для нас — «пусть думают, что я не старалась». Волосы собраны в хвост. Глаза усталые, но не злые. За её спиной, в глубине коридора, стоял Гриша. Сорок пять, футболка с надписью «Я не спорю, я объясняю». Он не вышел встречать. Он ждал.

— Проходите, — сказала Света. — Только не обращайтесь на бардак.

Бардака не было. Была квартира, в которой всё стояло на своих местах, но эти места были чужими. Полки делились пополам — невидимой линией, которую оба знали наизусть. На одной стороне книги по бизнесу, на другой — романы.

На кухне две кружки: одна с трещиной, другая без. На подоконнике — цветок, который поливали, но не любили.

Кот Борис сидел на кресле и смотрел на нас так, будто уже всё понял и не одобрял.

— Борис, — сказал Марк. — Здравствуй.

Кот моргнул. Один раз. Медленно.

— Он вас не любит, — сказала Света. — Он вообще никого не любит. Кроме Гриши.

— Это взаимно, — сказал Гриша из коридора. — Я его тоже.

Света вздохнула. Так, как вздыхают люди, которые слышали эту шутку тысячу раз и уже не смеются.

Мы сели на кухне. Стол был маленький, квадратный, с четырьмя стульями. Я села напротив Светы, Марк — напротив Гриши. Это было не случайно. Марк потом сказал, что так удобнее смотреть в глаза тому, кто с тобой говорит. Я не спрашивала, откуда он это знает.

— Расскажите, — сказала я. — Только не про окно и не про кота. Про что-нибудь другое.

Света посмотрела на меня. Потом на Гришу. Потом снова на меня.

— А если всё про окно и кота?

— Тогда начните с начала, — сказала я. — С того, как вы познакомились.

Она задумалась. Гриша тоже. Они посмотрели друг на друга — впервые за всё утро, — и в этом взгляде было что-то, чего я не ожидала. Не злость. Не усталость. Что-то вроде растерянности. Как у людей, которые забыли, зачем пришли в комнату.

— На вокзале, — сказала Света. — Он держал мой чемодан.

— Я не держал, — сказал Гриша. — Я его уронил. И извинился.

— И поэтому я вышла за тебя?

— Нет. Потому что я извинился красиво.

Света усмехнулась. Впервые за всё утро. Гриша тоже. Они смотрели друг на друга, и на секунду кухня стала не полем боя, а просто кухней.

Марк молчал. Я тоже. Это было важно — дать им самим услышать то, что они сказали.

— А потом? — спросила я.

— А потом всё как у всех, — сказала Света. — Работа. Дети. Кот. Окно. — Она помолчала. — Я не знаю, когда это началось. Просто в какой-то момент я поняла, что мы не разговариваем. Мы обмениваемся информацией. «Купи хлеб». «Позвони маме». «Ты закрыла окно?»

— А ты его всегда закрываешь, — сказал Гриша. — Я не могу дышать.

— А ты никогда не моешь чашку.

— Я мою.

— Ты ставишь её в раковину и думаешь, что это считается.

— Это считается.

— Это не считается.

Я подняла руку.

— Стоп, — сказала я. — Вот это. То, что вы сейчас делаете. Это не разговор. Это обмен ударами. Вы не слышите друг друга. Вы просто ждёте, когда другой закончит, чтобы сказать своё.

Они замолчали. Света посмотрела на стол. Гриша — на окно. Кот Борис перешёл с кресла на подоконник и улёгся между ними, как маленький пушистый судья.

— Я не хочу вас мирить, — сказала я. — И не хочу разводить. Я хочу, чтобы вы сказали друг другу то, что не говорили. Не про окно. Не про чашку. То, что правда.

Марк подал голос впервые за десять минут.

— Света, — сказал он. — Вы написали в заявлении, что кот спит на его подушке. Почему это вас так злит?

Света молчала. Долго. Я видела, как она подбирает ответ — и не может.

— Потому что, — сказала она наконец, — я сплю одна. Уже два года. А кот — с ним.

Гриша поднял голову. Посмотрел на неё. В его глазах было что-то, чего я не видела раньше. Не вину. Удивление. Как будто он впервые это услышал.

— Я не знал, — сказал он.

— Ты никогда не спрашивал.

— Ты никогда не говорила.

— Я говорила. Ты не слышал.

И вот тут — в этой паузе, в этом молчании, в котором было больше правды, чем во всех их словах, — я поняла, что проект Марка может работать. Не потому, что он красивый. Потому что он даёт людям место, где можно наконец услышать друг друга.

— У нас есть предложение, — сказала я. — Церемония. Не свадьба. Не развод. Разговор. Вы скажете друг другу то, что не говорили. Не для нас. Для себя. А потом решите — вместе или по отдельности. Но по-человечески.

Света посмотрела на меня.

— А если мы решим развестись?

— Тогда вы разведётесь, — сказал Марк. — Но не будете делить кота как военную добычу.

— А если помиримся?

— Тогда помиритесь, — сказала я. — Но не потому, что мы вас уговорили. А потому, что вы сами этого захотели.

Света посмотрела на Гришу. Гриша посмотрел на Свету. Кот Борис моргнул. Один раз. Медленно.

— Хорошо, — сказала Света. — Давайте попробуем.

Мы вышли из подъезда. Дождь прекратился. Петроградка пахла мокрым асфальтом и булочками. Марк шёл рядом,

засунув руки в карманы.

— Вы хорошо это сделали, — сказал он.

— Что?

— Заставили их замолчать. Не многих так получается.

— Это не я, — сказала я. — Это они. Просто им никто не давал места.

Он кивнул. Помолчал.

— Света спросила меня, вместе ли мы, — сказала я.

Марк посмотрел на меня.

— И что вы ответили?

— Что мы коллеги.

— А она?

— Она сказала: «Ну да. Как мы».

Марк засмеялся. Коротко, неожиданно. Мне понравилось, как он смеётся. Это было редко.

— Это не комплимент, — сказала я.

— Я знаю, — сказал он. — Но это правда. Они тоже когда-то были коллегами. По браку. А потом забыли, что они ещё и люди.

Мы дошли до машины. Он открыл мне дверь. Я села. Он обошёл машину, сел за руль, завёл двигатель. И, прежде чем тронуться, сказал:

— Вера. Вы сказали им, что не хотите врать. Я тоже не хочу. Поэтому скажу честно: я не знаю, что из этого получится. Может, ничего. Может, проект провалится. Но я рад, что вы согласились.

— Я ещё не согласилась.

— Согласились, — сказал он. — Вы просто ещё не сказали.

Он тронулся. Я смотрела в окно. Петроградка проплывала мимо — дома, дворы, люди, которые шли по своим делам и не знали, что в одной из квартир только что случилось маленькое чудо. Света и Гриша ещё не помирились. Может, и не помирятся. Но они впервые за два года слышали друг друга. А это уже немало.

Я достала блокнот и записала: «Света и Гриша. Кот Борис. Окно. Подушка. Не врать. Получилось».

Потом посмотрела на Марка. Он вёл машину и молчал. У него была привычка молчать так, будто это тоже работа. Я не знала, что с этим делать. Но мне почему-то было спокойно.

Глава 4. «Суббота»

Сцена 1. «Приглашения»

Я не любил приходить в чужие офисы. В моём деле офис — это витрина: чем дороже кожа на креслах, тем выше шанс, что тебя не обманут. У Веры кресла были старые, кожа на них потрескалась, а на пробковой доске висели чужие свадьбы. И всё равно здесь было уютнее, чем в моём кабинете с видом на Неву.

— Приглашения, — сказала Вера, положив передо мной стопку бумаги. — Нам нужны приглашения.

— На развод? — уточнил я.

— На церемонию. — Она села напротив. — Мы не пишем

«развод». Мы пишем «второй шанс».

— А если второй шанс не наступит?

— Тогда это будет «первый шаг». — Она пожала плечами.

— Я восемь лет пишу на тортах «Навсегда». Я умею называть вещи так, чтобы люди захотели их купить.

Я взял верхний лист. Вера уже набросала макет: тонкая бумага, серый шрифт, никаких завитушек. Внутри — всего три строчки.

— «Приходите, — прочитал я вслух. — Будет не больно. Или будет, но по-человечески». — Я посмотрел на неё. — Вы серьёзно?

— А что не так?

— Это приглашение на церемонию, а не на приём у стоматолога.

— Люди боятся не боли, — сказала Вера. — Люди боятся, что их заставят чувствовать то, чего они не хотят. Если мы скажем «будет не больно», они поверят. А если поверят — придут.

Я положил лист обратно.

— Хорошо. Только добавьте внизу: «Дресс-код: тот, в котором вы готовы говорить правду».

Она засмеялась. Коротко, но по-настоящему.

— Это вы придумали?

— Это я подсмотрел у одного судьи. Он так говорил свидетелям. Работало.

Мы сидели над приглашениями часа полтора. Я не ожидал, что это займёт столько времени. В моей работе приглашение — это повестка: имя, адрес, дата, подпись. У Веры каждая строчка была решением. Какое слово выбрать, какой шрифт, какая бумага, где поставить запятую, чтобы человек не почувствовал себя приговорённым.

— А почему серый? — спросил я. — Не белый, не чёрный?

— Потому что белый — это свадьба, — сказала она. — Чёрный — это похороны. А у нас не то и не другое. У нас — между.

— Между — это где?

— Это где люди ещё не решили. — Она отложила ручку. — Самое честное место. Жалко, что там никто не хочет задерживаться.

Я посмотрел на неё. Она смотрела на приглашения. За окном моросил дождь, и на Литейном кто-то сигналил, хотя сигналить в этом городе было так же бесполезно, как ругаться с дождём.

— Как прошёл день? — спросил я.

Она подняла глаза.

— Что?

— День. Как прошёл? Я спрашиваю не про работу.

Вера задумалась. Так, будто вопрос был сложнее, чем приглашения.

— Странно, — сказала она. — Утром я думала, что меня уволят. Днём узнала, что я герой. Вечером сижу с юристом по разводам и придумываю, как позвать людей на разговор, который они откладывали два года. — Она помолчала. — А вы?

— У меня был обычный день, — сказал я. — Пока вы не спросили.

— Вам никто не задаёт этот вопрос?

— Мне задают другие. «Что с делом?», «Когда заседание?», «Сколько это будет стоить?». — Я пожал плечами. — «Как прошёл день» — это не ко мне.

Она ничего не сказала. Просто кивнула и вернулась к приглашениям. И почему-то это было лучше любого сочувствия.

Телефон завибрировал. Я посмотрел на экран и вздохнул.

— Мама, — сказал я.

— Не отвечайте, — сказала Вера. — Если это важно, она перезвонит.

— Она перезвонит в любом случае. Просто если я не отвечу сейчас, она будет звонить, пока я не возьму. А потом спросит, почему я не брал.

— А вы скажите, что были заняты.

— Она спросит, чем.

— А вы скажите, что работали.

— Она спросит, с кем.

Вера посмотрела на меня.

— И что вы скажете?

Я посмотрел на неё. На стопку серых приглашений. На дождь за окном.

— Пока не знаю, — сказал я и взял трубку.

— Марк, — сказала мама. — Ты помнишь, что в субботу ужин?

— Помню.

— Ты не помнишь. Ты никогда не помнишь. Я звонила тебе вчера, ты не взял. Я звонила сегодня утром, ты не взял. Я уже думала, что ты уехал.

— Я не уехал, мама. Я работаю.

— Все работают. — Пауза. — Ты один?

Я посмотрел на Веру. Она делала вид, что не слушает. Получалось плохо.

— Я не один.

— О. — Мамино «о» могло означать всё: от «наконец-то» до «я так и знала, что это ненадолго». — И кто это?

— Это работа, мама.

— Работа не сидит напротив тебя и не делает вид, что не слушает.

Вера прыснула. Тихо, но я услышал. И мама услышала.

— Приведи её, — сказала мама. — В субботу. Я хочу посмотреть.

— Мама.

— Я не прошу тебя жениться. Я прошу тебя прийти на

ужин. С человеком. Или без. Но лучше с.

Я закрыл глаза.

— Я подумую.

— Думай быстрее. Мне шестьдесят восемь, я не вечная.

Она положила трубку. Я положил свою и посмотрел на Веру.

— Она хочет, чтобы вы пришли на ужин, — сказал я.

— Я поняла, — сказала Вера. — Я слышала всё. У вас очень громкий телефон.

— Это не телефон. Это мама.

— У неё громкий голос.

— Это наследственное.

Вера отложила ручку. Посмотрела на меня внимательно.

— Марк. Вы хотите, чтобы я пришла?

Я мог соврать. Сказать, что это просто формальность, что мама отстанет, что это ничего не значит. Но мы договорились не врать друг другу.

— Хочу, — сказал я. — Но не потому, что мне нужен буфер. А потому, что если я приду один, она будет говорить об этом весь вечер. А если со мной будет кто-то, кто умеет говорить «торт просто честный», у неё не останется выбора, кроме как слушать.

Вера помолчала.

— А если она спросит про торт?

— Скажите правду.

— А если она спросит, кто я вам?

Я задумался. Честно задумался.

— Скажите, что мы работаем вместе. А остальное — пусть думает, что хочет.

Вера усмехнулась.

— Вы меня настораживаете, Марк.

— Это комплимент?

— Это предупреждение.

Она взяла ручки и снова склонилась над приглашениями. Я смотрел на её руки — быстрые, точные, — и думал, что впервые за двенадцать лет мне не хочется, чтобы рабочий день заканчивался.

Сцена 2. «Вежливые уколы»

Квартира матери пахла так, как пахло моё детство: пирогом с капустой, старым паркетом и немного — валерьянкой, которую она держала в аптечке «на всякий случай». Я приехал в семь. Она сказала «в семь», но я знал, что если приду в семь, она скажет: «Ты всегда опаздываешь». Поэтому я пришёл в шесть сорок пять.

— Ты рано, — сказала она, открывая дверь. — Что-то случилось?

— Ничего не случилось, мама. Я просто пришёл вовремя.

— Вовремя — это в семь. А сейчас без пятнадцати. — Она посторонилась. — Проходи. Не стой в дверях, сквозняк.

Я прошёл. Квартира была маленькой, но безупречной:

скатерть, салфетки, цветы в вазе, которые она, наверное, купила специально. На стене — фотографии. Я в детстве. Я в институте. Я на выпускном. Я — нигде не с женщиной. Она никогда не вешала фотографии с женщинами. Говорила, что «не хочет сглазить».

— Садись, — сказала она. — Пирог остынет.

Я сел. Пирог был горячий. Она всегда подавала его горячим, даже если я приходил поздно. Это была её форма любви — не дать остыть.

— Как работа? — спросила она, разрезая пирог.

— Работаю.

— Это не ответ.

— А какой ответ ты хочешь?

— Правду. — Она положила мне кусок. — Ты выглядишь уставшим.

— Я всегда выгляжу уставшим, мама. Это моё лицо.

— Не говори так. У тебя хорошее лицо. Просто ты им не пользуешься.

Я вздохнул. Началось.

Мы ели молча. Она смотрела на меня так, как смотрят матери, которые знают, что их сын что-то скрывает, и ждут, когда он сам признается. Я не признавался. Я жевал пирог и думал о приглашениях.

— Мне звонила Люба, — сказала она наконец. — Из со-

седнего подъезда. Она видела тебя по телевизору.

— Я не был по телевизору.

— В интернете. Она сказала, что ты был на свадьбе, где был скандал. С тортом. — Она отложила вилку. — Это правда?

— Правда.

— И ты не сказал мне?

— Я не думал, что это важно.

— Не важно? — Она посмотрела на меня. — Марк, ты был в новостях. Люба из соседнего подъезда знает о твоей жизни больше, чем я. Это нормально?

— Мама, это была работа. Я там был как юрист.

— А та женщина? — Она произнесла это так, будто уже знала ответ. — Организатор. Которая сказала про торт. Люба говорит, она красивая.

Я положил вилку.

— Мама. Я не женюсь на торте. Он уже занят.

Она не засмеялась. Она вообще редко смеялась над моими шутками. Она считала, что шутки — это способ уйти от разговора. Она была права.

— Марк. — Она вдруг стала серьёзной. — Я не шучу. Тебе сорок один.

— Я знаю, сколько мне лет.

— Ты знаешь, но не чувствуешь. — Она помолчала. — Я не вечная. Я хочу, чтобы у тебя кто-то был. Не для меня. Для тебя.

— У меня есть работа. У меня есть квартира. У меня есть кот.

— У тебя нет кота.

— У меня будет кот.

— Марк.

Я вздохнул. Вот это был настоящий разговор. Не про торт, не про Любу из соседнего подъезда. Про то, что она боится остаться одна и боится, что я останусь один. Два страха, которые жили в одной квартире и не могли друг друга утешить.

— Мама, — сказал я. — Я не знаю, чего хочу.

Она посмотрела на меня. Долго.

— Ты никогда не знал, — сказала она. — Даже в детстве. Ты всегда делал то, что надо. Не то, что хотел. Я думала, это пройдёт. А оно не прошло.

— И что мне делать?

— Для начала — перестань думать, что ты всех спасаешь. — Она взяла вилку. — Ты спасаешь чужие браки. А свой не спасёшь, если не начнёшь.

— У меня нет брака.

— Вот именно.

Она замолчала. Я тоже. За окном шёл дождь. В этом городе он всегда шёл, когда нужно было молчать.

После пирога она достала альбом. Старый, с потрескавшейся обложкой. Я знал этот альбом. Она доставала его каж-

дый раз, когда хотела сказать что-то важное.

— Смотри, — сказала она, открывая страницу. — Это твой отец.

Я посмотрел. Фотография была чёрно-белой, выцветшей. Молодой мужчина в костюме, с галстуком, смотрел в сторону, будто его позвали, а он не хотел идти.

— Он был красивый, — сказала мама. — И очень одинокий. Даже со мной.

— Я знаю.

— Ты не знаешь. — Она закрыла альбом. — Ты был маленький. Ты не видел, как он сидел на кухне ночью и смотрел в стену. Он был хороший человек. Но он не умел быть вместе. Он умел быть рядом. Это разные вещи.

Она помолчала.

— Я не хочу для тебя такой жизни. Когда рядом кто-то есть, а ты всё равно один. Я не хочу, чтобы ты сидел на кухне ночью и смотрел в стену.

Я не знал, что сказать. Я думал, что она будет говорить про торт, про работу, про Любу. А она говорила про отца. Про то, что я помнил смутно, а она — каждый день.

— Мама.

— Что?

— Я не он.

— Я знаю. — Она посмотрела на меня. — Но ты идёшь по его дороге. Ты думаешь, что если ты будешь работать, спасать чужие браки, разбираться в чужих проблемах, то тебе не

придётся разбираться в своих. Это не работает. Я проверяла.

Я закрыл глаза. Она была права. Она всегда была права, и это было самое раздражающее в ней.

— Приведи её, — сказала она вдруг.

— Кого?

— Ту женщину. С тортом. В субботу. Я хочу посмотреть.

— Мама, это не...

— Я не прошу тебя жениться. Я прошу тебя прийти с человеком. С любым человеком. Но лучше с ней.

— Она не хочет идти.

— А ты спроси. — Мама улыбнулась. Впервые за вечер.

— Ты всегда думаешь, что знаешь, чего хотят люди. А ты не знаешь. Ты даже про себя не знаешь.

Сцена 3. «Пока»

Я вышел на улицу в девять. Дождь прекратился. Петроградка пахла мокрым асфальтом и сиренью, которая уже отцвела. Я стоял у подъезда и смотрел на телефон. Вера не писала. Я не писал. Мы не были должны друг другу ничего, кроме приглашений и завтрашней встречи.

Я набрал её номер.

— Марк? — сказала она. — Что-то случилось?

— Нет. — Я помолчал. — Мама хочет, чтобы вы пришли в субботу.

— Вы уже говорили.

— Она хочет посмотреть на вас. На «женщину с тортом».

— А вы?

Я посмотрел на окна матери. Свет горел на кухне. Она, наверное, мыла посуду и думала, что я стою на улице и не знаю, что делать. Она была права.

— Я хочу, чтобы вы пришли, — сказал я. — Не как юрист. Не как партнёр. Как человек.

— Это приглашение?

— Это просьба. — Я помолчал. — Я редко прошу. У меня это плохо получается.

Вера засмеялась. Тихо, неожиданно.

— Хорошо, — сказала она. — Я приду. С условием.

— С каким?

— Если она спросит про торт, я скажу правду. Всю. Включая Алину и камеры.

— Договорились.

— И ещё. — Пауза. — Марк. Спасибо, что спросили.

— За что?

— За то, что не поставили перед фактом. — Она помолчала. — Эдуард так не умеет. Он просто подписывает договоры.

Я усмехнулся.

— Ладно. В субботу. В семь.

— В семь.

Я положил трубку. Постоял ещё минуту. Посмотрел на окно матери. Свет погас. Она легла спать.

Я пошёл к машине. Дождь начался снова. В этом городе он всегда начинался снова.

Глава 5. «Пирог с капустой»

Сцена 1. «Что надеть»

Моя квартира была маленькой. Не в смысле «уютной, но тесной» — просто маленькой. Одна комната, кухня, которую я называла «кухонным уголком», потому что «кухня» звучало слишком амбициозно для трёх квадратных метров, и балкон, на котором сохло белье и умирали растения, которые я забывала поливать. Я жила здесь восемь лет. За это время я сменила три дивана, два холодильника и одного кота. Кот ушёл к соседу, потому что у соседа было больше еды. Я не обиделась. Я бы тоже ушла.

В субботу в четыре часа дня я стояла перед шкафом и понимала, что мне нечего надеть. Это было странно, потому что шкаф был полон. Но всё, что в нём висело, было либо «рабочим» — деловые костюмы, в которых я разговаривала с невестами, — либо «домашним» — вещи, в которых я не открывала дверь даже курьеру. Между этими двумя категориями была пустота. Как раз то, что нужно для ужина с матерью человека, с которым я работаю.

Телефон зазвонил. Лена.

— Вера Андреевна, ну что? — сказала она. — Вы уже собрались?

— Собираюсь.

— Это значит «стою перед шкафом и страдаю»?

— Это значит «я не понимаю, зачем я вообще согласилась».

— Потому что он попросил. — Лена была романтиком. В двадцать три года это простительно. — Наденьте синее платье. То, с рукавами.

— Оно слишком нарядное.

— Оно идеальное. — Она помолчала. — Вера Андреевна, это не свидание. Это ужин с матерью вашего коллеги. Расслабьтесь.

— Я расслаблена.

— Вы сейчас, наверное, держите в руках две вешалки и смотрите на них, как на врагов.

Я посмотрела на две вешалки в руках. Она была права.

— Лена, я не хочу произвести неправильное впечатление.

— Какое «неправильное»? Что вы — успешная женщина, которая умеет говорить «торт просто честный»? — Лена засмеялась. — Наденьте синее. И не забудьте про туфли. Не те, в которых вы ходите на стройку.

— Я не хожу на стройку.

— Вы ходите на монтаж декораций. Это то же самое, только с цветами.

Я вздохнула. Она была права. Все были правы, кроме меня.

— Хорошо, — сказала я. — Синее.

— И духи. — Пауза. — Только не те, что пахнут лавандой. Они пахнут бабушкой.

— У меня нет духов с лавандой.

— Вот и славно.

Она положила трубку. Я осталась стоять перед шкафом с двумя вешалками в руках и чувством, что меня только что переиграли.

Синее платье оказалось правильным. Оно было не слишком нарядным, не слишком простым. В нём я выглядела как женщина, которая знает, чего хочет, но ещё не решила, стоит ли это брать. Я надела туфли, которые были удобными, но не выглядели удобными. Это важное отличие. Удобные туфли — это когда тебе хорошо. Удобные, но не выглядящие удобными — это когда тебе хорошо и никто об этом не знает.

Я посмотрела на себя в зеркало. Тридцать шесть лет. Свадебный организатор. Восемь лет в профессии. Ни разу не была замужем. Это не было трагедией — я так себе говорила, и в основном это было правдой. Но иногда, в такие вот моменты, перед чужим ужином в чужой квартире с чужой матерью, я думала: а может, со мной что-то не так? Может, я слишком много работаю? Слишком контролирую? Слишком боюсь?

Я тряхнула головой. Отогнала. В моей профессии нельзя задавать себе такие вопросы перед выходом. Иначе выйдешь не туда.

Телефон завибрировал. Сообщение от Марка: «Не опаздывайте».

Я посмотрела на часы. Пять минут шестого. Я не опаздывала. Я вообще никогда не опаздывала. Но он написал это не для того, чтобы напомнить. Он написал это, потому что тоже нервничал. И почему-то от этого стало легче.

Я написала: «Я не опаздываю. Я приду ровно в семь. И я принесу торт».

Ответ пришёл мгновенно: «Только не с надписью».

«С какой?»

«С любой. Мама может не понять».

Я засмеялась. Впервые за день.

«Хорошо. Без надписи. Просто торт».

«Спасибо. И, Вера...»

«Что?»

«Спасибо, что идёте».

Я смотрела на это сообщение дольше, чем следовало. В нём не было ничего особенного. Просто «спасибо». Но он написал его так, будто это было важно. И для меня это стало важным.

Я вышла из дома в шесть тридцать. Дождь прекратился, но воздух был влажный, как бывает в Петербурге, когда город не может решить, плакать ему или просто дышать. Я шла к метро и чувствовала, что волнуясь. Сильнее, чем на собственной свадьбе. Которой у меня не было.

Это было странно. Я организовывала сотни свадеб. Я ви-

дела, как невесты трясутся перед выходом, как женихи забывают слова, как матери плачут в туалете. Я всегда думала: «Это же просто праздник. Что тут волноваться?» А теперь стояла на эскалаторе и понимала, что волнуюсь из-за ужина с женщиной, которую никогда не видела. Из-за пирога с капустой. Из-за человека, который написал «спасибо, что идёте».

Я достала телефон и написала Лене: «Я волнуюсь».

Она ответила: «Это хорошо. Значит, вам не всё равно».

Я убрала телефон. Посмотрела на своё отражение в стекле эскалатора. Женщина в синем платье, с тортом в коробке, с лицом человека, который идёт на ужин и не знает, чем это закончится.

«Это не свидание, — сказала я себе. — Это просто ужин. Просто пирог. Просто мать коллеги».

Но почему-то я не верила ни одному своему слову.

Сцена 2. «Вежливые уколы»

Квартира матери Марка находилась в старом доме на Петроградке, где лифт был с зеркалом, а зеркало — с трещиной, которую никто не собирался чинить, потому что «она уже как часть интерьера». Я поднялась на четвёртый этаж пешком. Торт в коробке оттягивал руку. Я не знала, зачем я его купила. Он был без надписи. Просто торт. Просто чтобы не приходиться с пустыми руками.

Дверь открылась раньше, чем я успела позвонить. Мать

Марка стояла на пороге — невысокая, прямая, в платье, которое было старше меня, но выглядело лучше. Волосы уложены. Взгляд острый.

— А, это вы, — сказала она. — Та самая. С тортом.

— Добрый вечер, — сказала я. — Вера.

— Я знаю, как вас зовут. — Она посторонилась. — Проходите. Не стойте в дверях, сквозняк.

Я прошла. В квартире пахло пирогом. Не просто пирогом — тем самым пирогом, который я никогда не пекла, потому что не умела. Пахло домом, в котором жили долго и не собирались уезжать.

Марк вышел из комнаты. В рубашке, без пиджака, с лицом человека, который уже полчаса слушал, как его мать говорит о нём в третьем лице.

— Вера, — сказал он. — Спасибо, что пришли.

— Я обещала.

— Я помню. — Он посмотрел на торт. — Без надписи?

— Без надписи.

— Хорошо. — Он взял у меня коробку. — Мама, это Вера. Вера, это моя мама, Ирина Петровна.

— Мы уже познакомились, — сказала Ирина Петровна. — В дверях. Где сквозняк.

Стол был накрыт на три персоны. Скатерть, салфетки, вилки, ножи, тарелки с голубой каймой. В центре — пирог

с капустой, румяный, с золотистой корочкой. Он выглядел так, будто его пекли с любовью. Или с чувством долга. В исполнении Ирины Петровны это было одно и то же.

— Садитесь, — сказала она. — Вера, вы сюда. Марк, ты туда. Не спорь.

Марк не спорил. Он сел. Я села. Ирина Петровна разложила пирог по тарелкам с точностью хирурга.

— Вы, наверное, привыкли к ресторанам, — сказала она, не глядя на меня. — У вас же свадьбы, банкеты, всё такое.

— Привыкла, — сказала я. — Но домашний пирог лучше.

— Это вы так говорите, чтобы меня не обидеть.

— Это я так говорю, потому что это правда.

Она посмотрела на меня. Коротко. Оценивающе.

— Ладно, — сказала она. — Ешьте.

Я откусила. Пирог был вкусный. По-настоящему. С капустой, которая не была слишком мягкой и не была слишком жёсткой. С тестом, которое рассыпалось во рту и не требовало запивать.

— Это очень вкусно, — сказала я.

— Это единственное, что я умею делать хорошо, — сказала Ирина Петровна. — Всё остальное я делаю так, как надо. А пирог — хорошо.

Марк посмотрел на неё. Что-то в его лице изменилось. Я не поняла что. Но запомнила.

— А вы давно с моим сыном работаете? — спросила Ирина Петровна, когда с пирогом было покончено.

— Неделью, — сказала я. — Может, полторы.

— Полторы недели. — Она отпила чай. — И уже пришли на ужин.

— Меня пригласили.

— Пригласили. — Она кивнула. — Марк редко кого приглашает. Он вообще редко что делает. Он у меня осторожный.

— Мама, — сказал Марк.

— Что «мама»? Я говорю правду. — Она повернулась ко мне. — Он вам рассказал, что он разведён?

Я посмотрела на Марка. Он смотрел в тарелку.

— Нет, — сказала я.

— Не рассказал. — Ирина Петровна покачала головой. — Типично. Он вообще про себя ничего не рассказывает. Думает, что если молчать, то никто не заметит, что он живой.

— Мама.

— Я не допрашиваю. Я интересуюсь. — Она снова посмотрела на меня. — А вы, Вера? Вы замужем?

— Нет.

— Почему?

— Мама! — Марк повысил голос. Впервые за вечер. — Это не твоё дело.

— Это моё дело, потому что я хочу знать, с кем ты ужинаешь. — Ирина Петровна не смутилась. — Вера, я вас не

обижаю?

— Нет, — сказала я. — Вы интересуетесь.

— Вот! — Она показала на меня вилкой. — Она понимает. А ты, Марк, не понимаешь.

Я посмотрела на Марка. Он выглядел так, будто хотел провалиться под стол. Я его понимала. Но я также понимала его мать. Она не была злой. Она была одинокой. И она боялась, что её сын тоже одинок. Это была не жестокость. Это была любовь, которая не умела иначе.

— Я не замужем, — сказала я, — потому что у меня работа, которая занимает всё время. И потому что я слишком долго выбирала. Сначала выбирала, кого любить. Потом — кого не любить. Потом просто перестала выбирать.

Ирина Петровна смотрела на меня. Долго. Потом кивнула.

— Честно, — сказала она. — Я люблю честных. — Она отставила чашку. — Марк, налей ещё чаю. И не смотри на меня так, будто я тебя убиваю. Я тебя не убиваю. Я тебя кормлю.

Марк встал. Пошёл к чайнику. Я осталась с Ириной Петровной наедине — на секунду, на две, настолько, чтобы она наклонилась ко мне и сказала тихо:

— Он хороший. Но он не умеет говорить о том, что чувствует. Вы это учтите.

— Я учту, — сказала я.

— А вы? — Она посмотрела на меня. — Вы умеете?

Я не ответила. Не потому, что не хотела. Потому что не знала.

После чая Марк вышел на балкон — позвонить, как он сказал. Я осталась на кухне с Ириной Петровной. Она мыла посуду, а я вытирала. Это было странно — стоять на чужой кухне, с чужим полотенцем, с чужой матерью, которая мыла посуду после пирога, который она испекла для меня. Но это было и тепло. По-своему.

— Он вам рассказал про отца? — спросила она, не обращившись.

— Немного.

— Он был хороший. — Она передала мне тарелку. — Но одинокий. Даже со мной. Я думала, что смогу его вылечить. Не смогла. — Пауза. — Марк — такой же. Только он думает, что если не женится, то не станет одиноким. А это не так. Одиночество не зависит от того, есть ли рядом кто-то. Оно зависит от того, есть ли рядом кто-то, с кем ты можешь быть собой.

Я вытирала тарелку. Медленно. Чтобы не уронить.

— А вы, Вера? — спросила она. — Вы одинокая?

Я молчала. Она обернулась. Посмотрела на меня.

— Я не допрашиваю, — сказала она тихо. — Я просто вижу. Вы смотрите на моего сына так, как будто боитесь, что он исчезнет.

Я положила полотенце на стол. Посмотрела на неё. И сказала правду — потому что врать было уже поздно:

— Я боюсь, что он останется.

Ирина Петровна кивнула. Медленно. Так, как кивают люди, которые всё поняли.

— Значит, вы уже думали об этом, — сказала она.

Сцена 3. «Балкон»

Марк вернулся с балкона через десять минут. Я как раз домывала последнюю чашку. Ирина Петровна вытирала руки полотенцем и смотрела на меня так, будто мы вместе пережили что-то важное. В каком-то смысле так и было.

— Всё, — сказала она. — Посуда чистая. Можно и честь знать. — Она посмотрела на сына. — Ты проводи Веру до метро. Нечего ей одной по Петроградке ходить.

— Мама, я не...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.